

В.А. Бажанов

**ПАРТИЯ И ЛОГИКА.
К ИСТОРИИ ОДНОГО СУДЬБОНОСНОГО
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) 1946 года***

Abstract. The paper deals with the so called ideologized science phenomenon emergence and it's development in the USSR, namely in the field of formal logic. It is shown that communist party itself produced in late 1946 the Decree which happened to be the starting point of the dismantlement of this phenomenon and foredoom one in the formal logic status as independent and finally respected science. This Decree published and analysed for the first time since its publication.

Едва ли не с самого начала существования советской власти стал формироваться так называемый феномен идеологизированной науки. Под идеологизацией науки понимают процесс, оказавшийся характерным для всех тоталитарных обществ, который выражается в стремлении либо создать "новую" науку, соответствующую господствующей идеологии, либо переработать научные представления с позиций этой идеологии, когда последняя подавляет объективное содержание науки и беспристрастный поиск объективной истины уступает место селекции научных положений под углом зрения идеологии и прежде всего таких, которые обеспечивают ее "торжество".

Признание социальной природы науки означает, что жизнь общества и его потребности оказывают определенное влияние и на характер научных исследований, и на стиль научного мышления, и на форму представления тех или иных научных результатов, и на цели развития науки. Однако это признание вовсе не подвергает сомнению, в конечном счете, автономность развития науки, помещая источники ее прогресса "внутри" науки. В тоталитарных обществах автономность развития науки фактически теряется под давлением ценностей, которые в данном обществе выступают в качестве центральных: классовых – в марксизме-ленинизме, религиозных – в фундаментальном исламе, расовых – при национал-социализме.

Недоверие носителей новых идеологий, стремящихся к революционному переустройству общества, свойственному в России

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 03-03-00350а.

не только марксистам, но и, например, анархистам М.А. Бакунину и П.А. Кропоткину, отказывавших "правительственной", буржуазной науке в объективности, их нетерпимость к другим политическим движениям порождало программу создания пролетарской науки, которая должна была обеспечить модернизацию народного хозяйства после совершения революции. Таким образом, новое общество, уверовав в могущество новой идеологии, оказывается нацеленным и на революцию в науке. Такого рода попытки редко являются успешными¹. Обычно идеологический пресс способствует крайней политизации жизни научного сообщества, выдавливая из него ученых, противящихся устремлениям неопитов (формируя так называемую репрессивную науку) и оставляя на поверхности тех, кто строит свои исследования как прямое воплощение идеологических установок и обещает немедленный практический результат или научный прорыв².

Утверждение авторитета одного "вождя" в политике и во всех областях науки, вера в коллективный разум партии, догматизация марксистской идеологии, которой придавался статус единственного научного мировоззрения, усиление общей политической реакции в случае СССР привели в 1930–1940-х годах к возникновению феномена идеологизированной науки, охватившей и биологию, и физику, и химию, и математику, и психологию, и едва ли не все отрасли научного знания. Научная аргументация уступала место политическим обвинениям (типа "меньшевистствующего идеализма") и навешиванию ярлыков, следствием чего нередко становились аресты и иные репрессии. Особенно глубоко и негативно феномен идеологизированной науки проявился в области логики.

Среди сторонников марксистско-ленинской идеологии формальная логика продолжительный период рассматривалась как цитадель метафизического мышления, которое несовместимо с диалектикой, которое является по своей природе буржуазным и противостоит стремлению создать пролетарскую науку, диалектическую по своей сущности. Репрессии и террор, которые были особенно характерны для первых десятилетий существования советской власти, выразились, по меткому замечанию А.С. Карпенко, в том, что логика террора не оставляла места для логики [Карпенко, 2003, с. 63].

---

¹ К каковым успешным можно отнести разве что культурно-историческую концепцию психической деятельности Л.С. Выготского и А.Р. Лурии или разработку релевантной логики И.Е. Орловым [Бажанов, 2002].

² Феномены Т.Д. Лысенко и О.Б. Лепешинской.

"Диалектики" рассматривали формальную логику если не как идеологического оппонента, то, по крайней мере, как чуждую марксизму "метафизическую" систему (см.: [Cavaliere, 1990]). "Старая логика, - писал в своем словаре Т.С. Ищенко, - рассматривает формы и категории мышления как самостоятельные и независимые" и потому ее "основной недостаток состоит в том, что она своим основанием имеет метафизический способ рассмотрения действительности... метафизическое понимание мира... Диалектика включает в себя формальную логику как высшая ступень мышления низшую, как превзойденный момент" [Ищенко, 1931, с. 100, 102].

Формальная логика, считали ортодоксальные марксисты, отрывает исследования законов мышления от природы. Ее законы "противоположны законам диалектической логики". Являясь основой метафизического метода, формальная логика не интересуется материальной истиной (правильным отражением в мышлении явлений природы). Закон тождества в формальной логике трактует каждое явление как "нечто неизменное и закостенелое". Материалистическая диалектика показывает несостоятельность такого рода взгляда на вещи, ибо для нее вещь тождественна и нетождественна самой себе потому, что она находится в процессе изменения, развития. Закон (не)противоречия также имеет метафизический характер, поскольку игнорирует то обстоятельство, что всякое развитие предполагает противоречие. Формула же закона исключенного третьего является и метафизической, и абстрактной, бессодержательной (см. [Краткий философский словарь, 1939, с. 296-298]).

Довольно характерны рассуждения одного из авторов учебника по формальной логике вице-президента Венгерской АН Б. Фогараши, который утверждал, что "диалектическая логика относится к формальной как высшая математика к низшей", что "формальная логика в своем традиционном понимании носит сильно выраженный метафизический характер", а неаристотелева логика представляет собой "подведение логического фундамента под идеализм" [Фогараши, 1959, с. 11, 45, 116].

Впрочем, первые серьезные признаки идеологизации науки относятся к концу 1922 г., когда были распущены непокорные Ученые советы, а студенческие старостаты были распущены еще летом 1919 г. Представительство в коллективах было предоставлено студенческим группам РКП(б) и "другим партиям, стоящим за Советскую власть".

Большевики взяли под свой сверхжесткий контроль все высшее образование и мысль, еще бившуюся в российских универси-

тетях. В 1922 г. был объявлен Всероссийский конкурс и многие профессора были уволены (в том числе, кстати, и Н.А. Васильев) на том основании, что они этот конкурс не прошли: "Старой профессуре с ее интеллектуальной независимостью и негибкой моралью просто не было места в стране победившего пролетариата" [Никольский, 1993, с.8].

14 декабря 1922 г. ЦК РКП(б) издает циркуляр "О работе парт-организаций в вузах и рабфаках". Там говорилось, что "значение высшей школы на боевом в настоящее время фронте огромно. Ее задачи – дать стране в кратчайшее время красных специалистов по всем отраслям государственного строительства... Партия ныне должна сделать следующий шаг в завоевании высшей школы, в которой до сих пор господствуют еще буржуазный ученый и буржуазная идеология, нередко переходящая даже к прямому наступлению на основы научного марксистского мировоззрения". Далее циркуляр провозглашал следующие организационные задачи:

"... Принять активное участие в кампании по проведению нового устава вузов через комячейки студентов и комфракции преподавателей... Принимать, действуя на основе устава вузов, через местные и профсоюзные органы, активное участие в подборе руководящего состава вузов и рабфаков – их правлений, советов, факультетов и т.д." [КПСС о культуре..., с. 330-331].

Были организованы новые "Ученые" советы, куда вошли и представители РКП(б). На заседании этого совета в Казанском университете 2 марта 1923 г., на котором присутствовали также и заведующий рабочим факультетом, представитель Комслужа, заместитель председателя Совнаркома, Татнаркомпроса, нарком Внутдела, Всеработпроса, бюро Комстуда областкома, одним словом, новая коммунистическая номенклатура, был принят новый Устав университета и ходатайство бюро ячейки РКП(б) о переименовании Казанского университета в Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова (Ленина).

Ректор предложил совету принять это предложение ячейки и оно было принято единогласно [НА РТ, ф.1337, оп.1, д.72, с.2]. В резолюции того же самого заседания совета констатировалось, что "научные силы университета скудеют: одни умирают, другие бегут, ища, где лучше... жилища профессоров и преподавателей подвергаются уплотнению" [там же].

В ноябре 1923 г. М. Горький писал В. Ходасевичу: "Из новостей, ошеломляющих разум, могу сообщить, что... Надеждою Крупской и каким-то М. Сперанским запрещены для чтения: Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, Тэн, Нитче, Л. Толстой,

Лесков, Ясинский (!) и еще многие подобные еретики" [Ходасевич, 1997, с. 175, 568].

"За тридцать лет от 1917 года и до конца 40-х годов философская традиция в России была практически разрушена," - пишет В.Н. Садовский [Садовский, 1993, с. 148]. Была создана монолитная партийно-государственная идеология, которая не допускала иных мнений, кроме тех, которые соответствовали мнению "земного бога", восседавшего в Кремле. Понятно, что появились и люди, которые предугадывали его желания, потаенные симпатии и глубину мысли. Наступил звездный час заштатных доцентов и профессоров, обладавших даром угадывания (см.: [Митрохин, 2004]).

Почти с самого начала выхода в 1922 г. нового журнала, установившего фактически полную монополию на философскую мысль, – журнала "Под знаменем марксизма" – стали обыкновенными нападки на представителей "старой" интеллигенции, не понимавшей, так сказать, глубины философии марксизма-ленинизма. Например, в том же 1922 г. В. Тэр-Оганесян утверждал, что «Профессор Васильев (имеется в виду А.В. Васильев. - В.Б.) в своей книге "Целое число" (Пг., 1922) нисходит до критики Энгельса и его "мистической диалектики", совершенно не понимая сути вопроса» [Тэр-Оганесян, 1922, с.212]. Между тем в своей критике Ф. Энгельса А.В. Васильев едва ли не на полвека опередил соответствующую обстоятельную работу Ж. ван Хейеноорта, показавшего примитивность (да и просто ошибочность) воззрений Энгельса на диалектику в математике (см.: [Хейеноорт, 1991]).

С 1922 г. развернулось марксистское переосмысление формальной логики, сопровождавшейся обычно уничтожающей критикой ее "узких горизонтов" (см.: [Варьяш, 1923, 1928; Орлов, 1925; Баммель, 1925, 1929]). Досталось и Н.А. Васильеву. Критикуя так называемый формально-логический подход А. Варьяша, представленный в книге "Логика и диалектика", В.Ф. Асмус писал: «Современная логика стремится к известной эмансипации от закона противоречия. Она признает возможность опущения этого принципа – без ущерба для формальной логики как таковой. Однако ни в коем случае не следует преуменьшать прогрессивное значение этих тенденций. "Металогика" (Н.А. Васильева. - В.Б.) не скрывает формалистической сущности своих задач... Вредное действие этой книги состоит в демагогических приемах, при помощи которых А. Варьяш стремится не только скрыть от читателя формалистический характер своей логики, но еще внушить ему

впечатление, будто бы вся книга разработана в духе диалектики и верна ее началом» [Асмус, 1929, с.44, 62].

Позже В.Ф. Асмус немало сделал для реабилитации и укрепления позиций формальной логики в СССР. Один же из "диалектических логиков" - И.Е. Орлов, получивший естественнонаучное образование, фактически предвосхитил принципиальные положения современной релевантной логики.

В 1929 году полностью уничтожается тираж книги А.В. Васильева "Жизнь и научное дело Н.И. Лобачевского", изданной в 1927 г. и два года пылившейся (вместе, кстати, с книгой С.И. Вавилова о Ньюtone, которой была уготована более счастливая судьба) на складах Госиздата. Книга А.В. Васильева увидела свет только в 1992 г. [Васильев А.В., 1992]. Видимо, кто-то уже после печати тиража вспомнил, что А.В. Васильев являлся членом Первой Государственной Думы, членом Государственного Совета и ЦК кадетской партии, подписывал письма протеста против изъятия церковных ценностей.

Дискуссия между "диалектиками" и "механистами" к концу 1920-х годов носила уже явно политический характер, а ее содержание касалось всех советских философов, которые были в буквальном смысле *обязаны* критиковать и "деборинскую группу", и "механистов". Кроме того, они были вынуждены заниматься *самокритикой*, которая носила характер не только покаяния за то, что ранее допускали разного рода ошибки, но и была формой самозащиты. Так, Т.С. Ищенко в предисловии к новому изданию "Краткого философского словаря" был вынужден каяться за то, что ранее недооценивал глубину "корней влияния" деборинской группы в среде философов-специалистов, за то, что недооценивал В.И. Ленина как философа, не замечал принципиальные ошибки Г.В. Плеханова. В словарь им была включена статья "Меньшевистствующий идеализм", к которому были отнесены Кареев, Стэн, Тьямянский, Гессен, Гоникман и "др. во главе с Дебориным", а главный порок этого направления виделся в том, что в нем подвергался забвению принцип партийности философии. Впрочем, "механические материалисты", по мнению Т.С. Ищенко, игнорировали "душу марксизма" – материалистическую диалектику, к которым были причислены Бухарин, Тимирязев, Сарабьянов и Варьяш [Ищенко, 1931, с. 1, 110, 134, 187].

Любопытно, что в статье о Сталине, работы которого расценивались как "непревзойденный пример единства теории и практики", а сам Сталин как "лучший ученик Ленина, неутомимый борец за рабочее дело и за дело всех трудящихся", говорилось, что в 1910 г. (! – В.Б.) он переходит на работу в *Ленинград* [Ищенко, 1931, с.

168, 167]. Советское "министерство правды" переписывало историю даже для столь очевидных ситуаций и обстоятельств.

В 1930 г. в журнале "Фронт науки и техники" появляются рубрики "Методология и практика вредительства", "Фронт идеологической борьбы", которые выражали важнейшие составляющие атмосферы в СССР второй половины 1920-1940-х годов, пронизанную поиском врагов.

Под предлогом обеспечения связи теории и практики и более полного удовлетворения нужд практики в 1930 г. была предпринята очередная реорганизация высшего образования. В частности, из учебных планов исключались теоретические дисциплины как умозрительные и не имеющие непосредственного практического применения, такие как теоретическая физика, фундаментальная математика и т.д. Раздавались предложения в университетах готовить только инженеров для промышленности (см.: [Павлов, 2003, с. 113]). Так, известный советский общественный деятель и алгебраист О.Ю. Шмидт, возглавлявший в 1918 г. Математическое отделение Комакадемии, утверждал, что "учебные заведения служат не для развития личностей, а для снабжения их орудиями практических знаний" (Из рукописи Н.С. Ермолаевой; цит. по: [Никольский, 1993, с. 8]).

Такая утилитарная ориентация привела к попыткам выделения из университетов гуманитарных факультетов и организации гуманитарных, правовых и иных институтов. В Московском университете остались лишь факультеты естественного профиля, а преподавание диалектического и исторического материализма осуществляла единственная гуманитарная кафедра истории и философии естествознания, возглавляемая ярким борцом с идеализмом в физике А.А. Максимовым.

С середины 1930 гг. практикуется назначение работников НКВД на руководящие посты в Университетах и Академиях наук. Так, в 1940 г. ректором Института философии был назначен некто А.И. Асеев, оперативный работник НКВД.

Ряд ученых, как, например, М.И. Шейнфинкель, не могли легко устроиться на работу, а после нескольких неудач он и не предпринимал больше попыток. М.И. Шейнфинкель жил и занимался математической логикой в своей коммунальной квартире на Ленинградском проспекте в Москве³. Существовал в основном за

---

³ О М.И. Шейнфинкеле мало известно и предположений, касающихся его жизни, поэтому достаточно. Одно из них приведено в яркой книге, автор которой неизменно критически относится ко всякого рода спекуляциям [Непейвода, 1997, с. 35]. Речь там идет о том, что Шейнфинкель жил в Ленинграде и его заморили голодом в психиатрической больнице.

счет жертвований друзей и коллег. Соседи считали, что он все время "перекладывает бумаги", причем куда-либо отлучался М.И. Шейнфинкель редко. Соседи его очень не любили за такой "нетрудовой" образ жизни. Возможно, М.И. Шейнфинкель не осознавал, что он является основателем нового математического направления. Часто в разговорах с коллегами он шутил, что пишет "в сундук". Действительно, свои рукописи он складывал в сундук, которые после его кончины в 1942 г., видимо, использовались соседями в тяжелое военное время для отопления [Кузичев, 1996].

Зимой 1940 г. Казанский Кремль из окна транссибирского экспресса мог видеть К. Гёдель, пересекавший Советскую Россию с тем, чтобы из Владивостока отправиться в эмиграцию в США. Метаморфозы истории на несколько часов сократили расстояние до считанных километров между великим логиком-классиком К. Гёделем и Н.А. Васильевым, прорубившим окно в высшей степени неклассическое пространство логики и пребывавшим последние месяцы жизни в психиатрической больнице, спасшей его от сталинского террора.

В 1979 г. автор настоящей работы слышал рассказ Г.П. Щедровицкого, который в свою очередь делился воспоминаниями В.Ф. Асмуса о том, что в 1940–начале 1941 г. ночью Асмуса вызвали в Кремль к Сталину. Сталин посетовал, что его комиссары совсем не умеют мыслить, и их нужно научить логике (этот же эпизод воспроизводится В.А. Смирновым в его воспоминаниях о В.Ф. Асмусе; см.: [Смирнов, 1995, с. 46]).

Вскоре после начала занятий разразилась Великая отечественная война, и комиссары воевали, так и не освоив науку о правильном мышлении. Между тем в голове бывшего семинариста идея о пользе логики сохранилась.

4 декабря 1946 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление "О преподавании логики и психологии в средней школе", которое было опубликовано *только* в "Учительской газете" [О преподавании, 1946]. Факт этого постановления хорошо известен в кругах логиков, но его содержание уже забылось. Между тем это постановление оказалось судьбоносным для возрождения развития отечественной логики и не только ее, но и аналогичных процессов во всем так называемом лагере стран социализма.

Содержание постановления весьма любопытно и стоит воспроизвести это постановление полностью.

В ЦК ВКП (б)

О преподавании логики и психологии в средней школе

ЦК ВКП(б) обсудил вопрос о преподавании логики и психологии в средней школе и принял постановление по этому вопросу.

ЦК ВКП(б) признал совершенно ненормальным, что в средних школах не преподаются логика и психология.

ЦК ВКП(б) признал необходимым ввести в течение четырех лет, начиная с 1947/48 учебного года, преподавание психологии и логики в выпускных классах средней школы. Логика и психология должны преподаваться квалифицированными преподавателями, получившими специальную подготовку в области психологии и логики.

Министерству просвещения РСФСР (тов. Калашиникову) предложено ввести в 1947/48 учебном году преподавание логики и психологии в 200 средних школах городов: Москвы, Ленинграда, Горького, Саратова, Свердловска, Куйбышева, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Воронежа, Казани, Молотова, Томска.

ЦК компартий союзных республик и Советам Министров союзных республик предложено рассмотреть вопрос о постепенном введении преподавания логики и психологии, начиная с 1947/48 учебного года, в средних школах всех городов, где имеются подготовленные преподаватели.

Министерство высшего образования СССР и Министерства просвещения союзных республик обязаны организовать в университетах и педагогических институтах подготовку преподавателей логики и психологии для средней школы с таким расчетом, чтобы к 1950/51 учебному году полностью обеспечить потребности средней школы в преподавателях логики и психологии.

Для подготовки квалифицированных преподавателей логики и психологии признано необходимым создать с 1947/48 учебного года отделения логики и психологии на филологических факультетах Уральского и Азербайджанского университетов.

Институту философии Академии наук СССР (т. Васецкому) и Огизу (т. Грачеву) предложено до 1 марта 1947 г. издать учебник логики для высших учебных заведений и до 1 июля 1947 г. – популярный учебник логики для средней школы.

Академия педагогических наук РСФСР (т. Каиров) и Учпедгиз (т. Перловский) обязаны до 1 июля 1947 г. подготовить и издать учебник психологии для высших учебных заведений.

В целях подготовки высококвалифицированных кадров преподавателей психологии и логики для университетов и педагогических институтов предложено министру высшего образования

СССР т. Кафтанову, директору Институту философии АН СССР т. Васецкому и президенту Академии педагогических наук РСФСР т. Каирову не позднее октября 1947 г. довести контингент аспирантов:

по психологии – до 100 человек, из них в Институте философии Академии наук СССР – до 20 человек, в Академии педагогических наук РСФСР – до 30 человек, в университетах и педагогических институтах – до 50 человек;

по логике – до 50 человек, из них в Институте философии Академии наук СССР – 20 человек, на философских факультетах университетов – 30 человек [О преподавании, 1946, с.1].

Это постановление было принято в ходе интенсивной подготовки к выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик, дня Конституции, которая провозглашала торжество "социалистического демократизма". Не было забыто и 125-летие со дня рождения Н.А. Некрасова. Однако постановление ЦК ВКП(б) не было заслонено такого рода событиями. Академия наук СССР, Академия педагогических наук РСФСР, школы начали проводить решения партии в жизнь.

Уже в следующем номере "Учительской газеты" (14 декабря 1946 г.) публикуется передовая, которая развивает положения, содержащиеся в постановлении. В ней утверждается, что "громадное значение для дисциплинирования нашего мышления имеет логика. Как наука о законах правильного мышления, логика устанавливает те принципы, следуя которым мы можем избежать ошибок в наших суждениях и умозаключениях и прийти к правильным, логически обоснованным доказательствам. Изучение логики является превосходной тренировкой для ума, приучающей наше мышление к строгой дисциплине. Практическая польза логики в том, что она учит людей правильным суждениям, учит выводить последовательные умозаключения и добиваться строгих доказательств, столь необходимых для любой умственной деятельности. Логика воспитывает экономию мышления, предохраняя от напрасных заблуждений, лишних, бесплодных споров, возникающих при отсутствии обоснованных, т.е. логических доказательств. Изучение логики мышления является необходимой ступенью для изучения диалектической логики.

Успех введения логики и психологии в систему школьного образования будет зависеть в значительной степени от качества преподавателей по этим предметам, а также от соответствующих учебных пособий...

Задача преподавания психологии весьма облегчена выходом в свет хорошего учебника психологии для средней школы, написан-

ного проф. Б.М. Тепловым... Если Институту философии Академии наук СССР удастся создать и аналогичный по качеству учебник логики, то преподаванию обеих дисциплин в средней школе будет оказана весьма существенная польза.

...Со всей активностью органы народного просвещения должны взяться за осуществление постановления ЦК ВКП(б) «О преподавании логики и психологии в средней школе», направленного к тому, чтобы восполнить существенный пробел в системе нашего общего образования».

Публикуется также статья заведующей учебной частью одной из школ на Урале "Развивать логическое мышление", в которой утверждается, что многие школьники мыслят, нарушая элементарные правила формальной логики, рецензия на учебник Теплова. На решения партии следовало реагировать быстро.

В вузах открываются отделения логики и психологии, просуществовавшие, впрочем, недолго. Стали издаваться учебники по логике, поначалу дореволюционные, а потом и вновь написанные.

Многие выпускники этих отделений фактически не могли заниматься исследовательской работой в области логики. Так, в Казанском университете из логических курсов они вообще слушали только курс общей (традиционной) и истории логики, читавшиеся Д.Г. Морозовым и Л.Л. Тузовым.

Оба достаточно квалифицированные преподаватели, они преднамеренно почти не публиковались. Причина проста: любые публикации могли и служили основанием для доносов, обвинений в идеализме, ревизионизме и т.п. Спокойнее было просто читать лекции и вести занятия, обдумывая, впрочем, каждое вслух сказанное слово. Это был фактически единственный выход для тех, кто продолжал работать, оставаясь строго в рамках официальной идеологии (и, само собой, философии).

Все-таки Л.Л. Тузовым в 1950 г. в Академии общественных наук при ВКП(б) была защищена кандидатская диссертация по теориям умозаключений М.И. Каринского и Л.В. Рутковского. Диссертантом был сделан вывод, что "Каринский и Рутковский - представители передовой отечественной логики прошлого. В их логических учениях имелись уступки идеализму, непонимание диалектики отношения вещей, а, следовательно, и мышления, однако в целом это была попытка материалистического разрешения проблемы умозаключений" [Тузов, 1950, с.19].

После смерти "отца народов", который, безусловно, стоял за постановлением 1946 г., весной 1953 г. на формальную логику обрушилась очередная атака "диалектиков". Логика вновь была изъята из программ школ, большинства университетов и

педагогических институтов и ей было нелегко восстановить свои права на полноценную жизнь в условиях беспредельного господства "живой души марксизма".

Даже важнейшие результаты в математической логике и метаматематике трактовались также под углом зрения оппозиции диалектики и метафизики: "Достижения Сколема, Гёделя, Чёрча и других исследователей... показали, что аксиоматическая теория, рассматриваемая как замкнутая система, *не в состоянии устранить, разрешить противоречия, возникшие в математике*. Глубочайшую причину этого может понять, конечно, только материалистическо-диалектическая логика, раскрывающая связь математики и действительности" [Фогараши, 1959, с. 100-101].

В первом венгерском издании учебника (1951 г.) Б. Фогараши утверждал, что "в логике отражается классовая борьба", а при подготовке его расширенного венгерского издания (1959 г.), оставшегося в рукописи, он обвинял логиков в метафизике и в поддержке Имре Надя и контрреволюции, тогда как диалектики якобы всегда последовательно отстаивали партийную линию. Дискуссии об отношении формальной и так называемой диалектической логики, которые развертывались в СССР, потрясли и венгерскую научную общественность.

Упрощенное понимание гегелевского наследия долгий период доминировало на идеологической и философской авансцене в странах социализма несмотря даже на решения центрального идеологического органа в Москве.

Впрочем, постановление ЦК ВКП(б), которое по существу было вскоре забыто – даже при живом Сталине, – сыграло громадную роль в освобождении мышления из-под оков ортодоксального марксизма. Логика открывала возможность заниматься вещами, далекими от господствующей идеологии. Это постановление, думается, имело даже более масштабное значение для развития гуманитарной мысли, нежели раскрепощение исследований в области логики и психологии: оно легитимизировало своего рода интеллектуальные ниши, свободные от идеологических привнесений и обеспечивало достаточно свободное научное творчество в этих нейтральных относительно политической конъюнктуры областях. В СССР и других странах с тоталитарными режимами действовал принцип "возмещения": несвобода в общественной деятельности и в анализе социально-политических явлений "компенсировалась" притоком блестящих умов в идеологически нейтральные области науки, и исследования здесь носили весьма оригинальный

характер и часто вполне соответствовали мировому уровню. Особенно это справедливо по отношению к математике.

Поскольку решения ЦК ВКП(б) фактически имели силу и для стран Центральной и Восточной Европы – Венгрии, ГДР, Польши и т.д., находившихся в орбите советского влияния, то лакуны относительно свободного философского творчества открылись и для гуманитариев этих государств.

Так, весьма важное значение для достижения правильного понимания соотношения логики и диалектики и утверждения идей математической логики в Венгрии имела преподавательская деятельность в Будапештском университете Е.К. Войшвилло, активный интерес и поддержка некоторых венгерских алгебраистов, близких по своим интересам к логике, прежде всего, Л. Кальмара (1905-1978). Кроме того, определенную роль здесь сыграл авторитет В.Ф. Асмуса, П.С. Попова и И.С. Нарского, обосновывавших положение, согласно которому гегелевская диалектика не противоречит идеям формальной логики. Ш. Салаи, влиятельный философ и социолог в одном из ведущих венгерских журналов "Magyar Tudomány" в 1957 г. написал о развитии математической логики в СССР, семинаре в МГУ под руководством С.А. Яновской и указал на использование элементов математической логики в учебнике "Логика" (М., 1956) под редакцией Д.П. Горского и П.В. Таванца⁴. Атмосфера враждебности по отношению к формальной логике постепенно рассеивалась.

В СССР учились в аспирантуре болгарские, венгерские, немецкие и др. логики, которые впоследствии печатались в советских изданиях и участвовали в совместных научных мероприятиях⁵.

Философский "рассвет" в общесоюзном масштабе в полной мере забрезжил тогда, когда "поколение философов 40-50-х годов смогло завершить свое философское образование, буквально вытащив себя за волосы из пучины марксистского догматизма и вытащив - за счет самообразования - в те или иные области современного философского знания" [Садовский, 1993, с.160]. Именно это поколение и явилось поколением, приступившим к решению нелегкой задачи возрождения советской и российской философской мысли. Такое же поколение, часто при помощи своих советских коллег, командированных для преподавания в Будапешт, Софию, Варшаву и т.д., готовилось штурмовать высоты

---

⁴ Автор признателен К. Хаваш за информацию о становлении логической мысли в Венгрии послевоенного периода.

⁵ И. Лакатос какое-то время предполагал поступить в аспирантуру в МГУ к С.А. Яновской.

философской и логической мысли и в странах Центральной и Восточной Европы.

Между тем рецидивы элементов идеологизированной науки в области логики имели место вплоть едва ли не до начала 1980-х годов. Наиболее в каком-то смысле нашумевший случай произошел в 1976 году после выхода блестящей книги очень талантливого логика и философа Ю.А. Гастева (1928 – 1993) "Гомоморфизмы и модели" [Гастев, 1975]. Дело в том, что в Предисловии к своей книге Ю.А. Гастев перечисляет тех людей, которые оказали на него наибольшее влияние. Это в основном логики и математики. Однако в этом списке находились и имена У. Стокса и Дж. Чейна [Гастев, 1975, с. 4], а в библиографии на 55-м месте числилась их работа на английском языке, опубликованная в известном журнале "Mind" в марте 1953 года. Работа называлась "The breath of the death marks the rebirth of spirit (дыхание смерти означает возрождение духа)". Редакторы книги Б.В. Бирюков и В.С. Тюхтин не обратили внимания на это изощренное иносказание, выполненное в лучших традициях использования Эзопова языка, на такую "мелочь". Однако кто-то из особо вьедливых, информированных в медицинской сфере и соответствующим образом настроенных читателей заметил этот факт: у Ю.А. Гастева упоминалось дыхание Чейна-Стокса, которое свидетельствует об агональном состоянии человека и его вероятной близкой кончине. Март 1953 года и название приписываемой Стоксу и Чейну статьи не оставляли сомнения, что здесь имеется в виду лучший друг советских ученых, хлебобобов и физкультурников И.В. Сталин. Видимо, в ЦК КПСС пошел "сигнал" о такой вопиющей насмешке над славным прошлым нашего Отечества, руководящей и направляющей силе всех побед советского народа – КПСС. Ю.А. Гастев лишился работы и был вынужден в 1981 году эмигрировать в США, где почти незаметно жил в Бостоне (иногда публикуясь в "Новом русском слове" и "Русской мысли"). Он очень страдал от чувства потерянности Родины, ругал США и американцев. У редакторов книги тоже были неприятности, но, слава богу, не повлекшие, как тогда говорили, организационных выводов.

В 1946 году студент механико-математического факультета МГУ Ю.А. Гастев был осужден судебной коллегией Московского городского суда по известной 58-й (политической) статье на 5 лет и 2 года поражения в правах. Из заключения Ю.А. Гастев вышел в 1949 году. В день смерти Сталина Гастев находился в Прибалтике и один из его сведущих в медицине приятелей услышал в сводке о здоровье вождя упоминание дыхания Чейна-Стокса. Он и разъяснил Гастеву, что финал Сталина очень близок.

Сталинские репрессии коснулись многих членов семьи Гастевых: был арестован и погиб в ГУЛАГе его отец А.К. Гастев, известный поэт и разработчик системы НОТ (научной организации труда), мама Ю.А. Гастева, двоюродный брат прошел сибирские лагеря, родной брат Петр погиб на Курской дуге [Гастев, Судьба...; Родос, Не всё...]. Понятно, что смерть тирана, который казался бессмертным, вызвала у Ю.А. Гастева надежду на перемены и на обретение будущего, в котором не останется следа от политического приговора и его последствий...

В 1979 г. в журнале "Коммунист" появилась пространная статья, как это часто бывало в таких случаях, совсем неизвестного автора, в которой в духе большевистского максимализма провозглашался классовый подход к логике и партийность в логике (и, стало быть, партийность основывающейся на ней политики). В статье говорилось, что за *любыми* утверждениями, включая те, которые делаются в логике, надо "разыскивать интересы тех или иных классов, за логикой слов – логику мыслей...", нельзя терпеть нападков на "алгебру революции", которые характерны для "мещанско-обывательского способа мышления" логического позитивизма [Садовский Г., 1979, с. 63]. Будучи учением о "внешних формах мышления", формальная логика оказывается враждебной диалектико-материалистической концепции логики как науки о всеобщем развитии и единстве противоположностей, представляющей собой "душу революционной теории". Здесь, по мнению автора, идет речь о двух противоположных типах мышления – "пролетарски-революционного и буржуазно-мещанского"; первое вскрывает закономерности развития общества, а второе используется для фальсификации идей научного коммунизма и представляет собой "профессорское фразерство" и "философско-математическое фиглярство", протаскивающее идеализм в подлинную науку [Садовский Г., 1979, с. 69, 65, 70 - 71]. В качестве примеров такого рода "фразерства", "фиглярства" и "словесной схоластики" приводились некоторые работы Д. Ст. Милля, К. Поппера, Р. Карнапа, С. Крипке и Г.Д. Левина. Если Поппер и Крипке так и остались, вероятно, в неведении, что являются носителями буржуазно-мещанского способа мышления, то для Г.Д. Левина и Института философии АН СССР, где он тогда работал, эта статья могла иметь весьма негативные последствия. Однако стагнирующий брежневский режим был все более и более неповоротлив и, насколько мне известно, никаких *оргвыводов* в данном случае не последовало, да и логическое сообщество в 1979 г., особенно в Институте философии АН СССР, было уже довольно влиятельным и вряд ли легко допустило новые гонения на формальную логику. Так называемая

диалектическая логика (т.е. просто диалектический стиль мышления) еще какое-то время находилась в фаворе, но логика прозрения советской философии отводила ей скромное место в ряду других возможных способов рассуждений.

Вне зависимости от характера управления наукой и высшим образованием, все более редких рецидивов элементов идеологизированной науки в так называемых социалистических странах, а впоследствии на просторах СНГ формальная логика большими или меньшими темпами продолжала развиваться. Как показывает отечественный опыт, даже полный запрет логики как учебной дисциплины – ситуация дважды имевшая место в нашей истории – не прекращал ее развития. А уж более или менее удачная система управления наукой и образованием могла лишь ускорить или замедлить темп ее развития.

Принятые сокращения: НА РТ – Национальный архив республики Татарстан.

ЛИТЕРАТУРА

- Асмус В.Ф.* Формальная логика и диалектика (по поводу книги А. Варьяша) // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С.39-62.
- Бажанов В.А.* И.Е. Орлов – логик, философ, ученый. Особенности научного поиска // Логические исследования. Вып 9. М., 2002. – С. 32 – 54.
- Баммель Гр.* Логистика и диалектика //Под знаменем марксизма. 1925. № 3. – С. 24 – 60.
- Баммель Гр.* Ленин и проблема логики в марксизме // Под знаменем марксизма. 1929. № 4. – С. 1 – 38.
- Варьяш А.* Формальная и диалектическая логика // Под знаменем марксизма, 1923, № 6-7.-- С. 207 – 227.
- Варьяш А.* Логика и диалектика. М.,-Л., 1928.
- Васильев А.В.* Николай Иванович Лобачевский (1792 - 1856). М.: Наука, 1992.
- Гастев Ю.А.* Гомоморфизмы и модели. М.: Наука, 1975.
- Гастев Ю.А.* Судьба Нищих Сибаритов. Автобиографическая повесть (части 1 и 2) // <http://www.serafim.spb.ru>.
- Ищенко Т.С.* Краткий философский словарь. М., 1931.
- Карпенко А.С.* Современное состояние исследований в философской логике// Логические исследования. Вып. 10. М., 2003. – С. 61 – 93.
- КПСС о культуре, просвещении и науке.* М.: Изд-во полит. лит-ры, 1963.
- Краткий философский словарь* /Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М.: ОГИЗ, 1939.
- Кузичев А.С.* Интервью 14 марта 1996 г. (Москва, МГУ).
- Митрохин Л.Н.* Из бесед с академиком Т.И. Ойзерманом // Вопр. философии, 2004, № 5. С. 33-77.

- Никольский Н.К.* "Советская математика": распад или интеграция? (опыт анализа)// Природа, 1993, №1. С. 3-12.
- Ненейвода Н.Н.* Прикладная логика. Ижевск, 1997.
- О преподавании логики и психологии в средней школе. Постановление ЦК ВКП(б)* // Учительская газета, 1946, 4 декабря, №55(3184).
- Павлов А.Т.* Философия в Московском университете в послереволюционные годы. 1917-1941 // Философские науки, 2003, № 9. -- С. 100-117.
- Родос В.* Не всё о Гастеве. Воспоминания о преподавателе // <http://www.serafim.spb.ru>.
- Садовский В.Н.* Философия в Москве в 50-е и 60-е годы // Вопр. философии, 1993, № 9. - С.147 – 164.
- Садовский Г.* Логика революционного мышления и классовый подход к логике // Коммунист, 1979, № 11. – С. 63 – 75.
- Смирнов В.А.* Воспоминания об В.Ф. Асмусе // Вопр. философии, 1995, № 1. – С. 44 – 48.
- Тузов Л.Л.* Теория умозаключений М.И. Каринского и Л.В. Рутковского. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. М., 1950.
- Тэр-Оганесян В.* Несколько мыслей о диалектике // Под знаменем марксизма. 1922, № 9-10. С.209-215.
- Фогараши Б.* Логика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
- Хейеноорт Ж. ван.* Ф.Энгельс и математика // Природа, 1991, № 8. -- С.91-105.
- Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений. Т. 4. М.: Согласие, 1997.
- Cavaliere F.* La logica formale in Unione Sovietica. Gli anni dibattito, 1946 - 1965. Firenze: La nuova Italia, 1990.

Сведения об авторе:

БАЖАНОВ ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ,

Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук,
профессор, член-корр. Academie Internationale de Philosophie des Sciences
(www.lesacademies.org),

зав. кафедрой философии и политологии Ульяновского
государственного университета

Почт. адрес: 432063 Ульяновск - 63, А.Я. 1602

Эл. почта: bazhan@ulsu.ru (ИЛИ) bazhan@sv.uven.ru

<http://staff.ulsu.ru/bazhanov/>

<http://philosophy.ulsu.ru>

факс:(8422)41-23-40

тел.:(8422)32-93-16, 32-07-80 (сл.)

(8422) 329779 (дом.)